

наши публикации

Исаак Дунаевский

Исаак ДУНАЕВСКИЙ

ЕГО НРАВСТВЕННЫЙ ПРИНЦИП:

«Люблю прямооту и честность, ненавижу халтуру и спекуляцию»

Перед вами сегодня страница, составленная из писем и высказываний выдающегося советского композитора Исаака Дунаевского, чья музыка стала и выражением своей эпохи, и явлением в нашей социалистической культуре, а песни — горючими любимыми народом и по сей день (большинство из представленных здесь документов — малоизвестны широкому кругу читателей, часть их публикуется впервые).

Дунаевский прожил недолгую жизнь (с 1900 по 1952 год), но музыка его удалось пережить свое время. Хотя, казалось бы, сегодня по многим изменился и сам музыкальный язык, и многие эстетические пристрастия. Процесс развития музыкальной культуры — многосложный, противоречивый, испытывающий различные (и не только прогрессивные) влияния. Недаром музыка, звучащая ныне на концертной эстраде, по радио и с телеэкрана, вызывает так много жарких, порой непримиримых споров, разноречивых суждений. Думается, и публикующие сегодня письма, высказывания И. Дунаевского могут быть достоянием духу, учитывая любовь к джазу со стороны широких масс советских слушателей. Я не виноват, что, видимо, эти попытки не были, может быть, в достаточной степени удачными и интересными и что джаз потом пошел по пути рабского копирования западноевропейских образцов, а эти западноевропейские образцы были изобленными у целого ряда джаз-оркестрантов. [...] Вопрос о джазе может решить и репат только умные и творчески серьезные политики, использующие в массовой песне дух, как очень ритмически сильную, упрямую, живую, энергичную музыку.

Я знаю нашу среду, я знаю, простите за выражение, нашу стадность, я знаю, что когда возникает какое-нибудь крупное явление, то все композиторы парашаюны в эту сторону; когда наизавтра возникает другое крупное явление, то все композиторы парашаюны в ту сторону. Эта опасность стадности, которая у нас существует, заставляет меня сказать: товарищи композиторы, нишите, не стесняйтесь, своим собственным почерком хороните советские произведения! И в русском стиле, и в западноевропейском стиле! И если это отчетливо, если это мастерски, если это выражает дух, эмоцию этого материала, если задача этим выполняется, то, значит, вы стоите на правильном пути.

1943 г.

В. М. Казаринову (Москва) 17 мая 1945 г.

Дорогой друг Володя! Несказанно обрадовался твоему письму. Печально было за время войны узнавать о гибели многих людей, с которыми был хорошо знаком, имел общение, но особенно растол, что судьба сохранила близких людей, с которыми связано так много хорошего в жизни. В этой страшной войне гораздо труднее было выжить, чем умереть. И сколько опасностей постигало каждого из нас в этом долгом и тяжелом отрезке времени. Как хорошо, что все это кончилось, что мы празднуем победу, что наступил мир.

Рассказ мой должен быть длинным, и, честно говоря, я давно собирался его начать...

1. Дела внешние.

Уехав 25 мая 1941 года из Ленинграда в поездку на юг к железнодорожному ансамблю, я так и не попал больше в Ленинград. Война заставила меня в пути на станции Синюхавия. Наш поезд провез нас в Москву к 26 июня.

Поблизости в тяжелых раздумьях до сентября, я получил весьма серьезное поручение и отправился с ансамблем в поездку по железным дорогам. Поездка оказалась... 22-месячной. Исполнив все, что только можно было изобразить в нашей необычной матушке-Родине, 19 мая 1943 года прибыл в Москву. А 26 ноября приехала Зина с сыном. Мотались без квартиры до 1945 года. Тоже не стану описывать всех этих бытовых «пределств». Пусть твоя фантазия дополнит все невысказанное. Неустраивенность странно повлияла на мои работы и дела...

2. Дела служебные и творческие.

а) Художественный руководитель железнодорожного ансамбля. Дело могло быть интересным, но — плохая и инертная система НКПС, мало интересующегося художественными делами. Иногда думается, на кой черт все это мне нужно? Думаю, что когда-нибудь (в скором времени) за этим вопросом последует ответ.

б) Заместитель председателя оргкомитета Союза композиторов СССР и председатели его вокальной секции. Руководил песней. Дело трудное. Навязывали неподобающих людей. Люблю прямооту и честность, ненавижу халтуру и спекуляцию в искусстве.

В творчестве всегда полезно мыслить, а сейчас особенно. Многие недопонимали столь типичной необходимостью и предпринимали более легкие трюпки. Отсюда, как говорится, поножницы, разрыв.

в) Как я уже упоминал, личная неустраивенность и ход личных дел почти губили мою творческую интенсивность. Но все-таки кое-что создал, и неплохо. Только сейчас работаю над новым фильмом с Александровым и Лебедевым-Гумачом. Оперетту начал писать в прошлом году, но благодаря неудаче «либретто Типота» прекратил. Не берет или слишком требователен к этому делу...

Абсурдно разграничение искусства на мнимые сорта

Л. Ратнеру (Москва) 14 августа 1948 г.

Всякое творчество в той или иной степени жизненно и активно воздействует только в том случае, если оно, как говорится, попадает в точку.

Важно, чтобы красивое сочеталось с идейно-ценным, глубоким, воспитывающим, хорошее чувства, подмывающим хорошие мысли. В творчестве самых талантливых людей бываюны срывы, неудачи, полные периоды ясности. И это не потому, что у них искания фантазия, не потому, что им вообще нечего сказать. Это происходит потому, что они не могут в данный момент сказать то, что надо, не могут почувство-

вать этого главного, что надо выразить средствами, доступными музыке...

Значение композитора для общества, для своего народа прямо зависит от ценности его творчества с точки зрения общественной его важности, с точки зрения выраженных в этом творчестве общенародных чувств и настроений. А так как эти чувства и настроения под влиянием различных обстоятельств видоизменяются и меняются, то для композитора важно успеть, проверить, учесть, отразить эти перемены. Тогда он пойдет в ногу с народом, тогда его творчество будет значительным...

И. И. Неймарк (Москва) 21 января 1949 г.

...Многое в своем творчестве, что живет и доживает до наших дней, зависит от моей личной высокой требовательности к себе и к музыке. Я рассуждаю весьма просто: каждое произведение композитора, в каком бы жанре оно ни работало, должно быть прежде всего продуктом музыки как таковой. Это значит, что к любому произведению композитор должен относиться во всеоружии музыкального мастерства. Это значит, что все, что выходит из-под пера, должно быть частью музыки, частью музыкальной культуры.

И. И. Неймарк (Москва) 20 августа 1949 г.

...Ужасно трудно самому себя победить. После большого успеха «Вольного ветра» с его замечательным репертуаром музыкального ансамбля будет всякие сравнения. Это глупо, но приходится с этим считаться. Нам не хотят прощать даже вынужденных ухудшений сравнительно с прежними работами.

Я вспоминаю, как после громового успеха марша из «Веселых ребят» я играл на каком-то собрании журналистов экзюны находившейся в это время в работе картины «Цирк». «Песня о Родине» вызвала сочувственные отзывы, но все смущенно заявляли, что все-таки марш «Веселые ребята» удался лучше. Если бы учтите, что «Песня о Родине» провалилась на конкурсе в Ленинграде, то Вы поймете, как трудно предсказать судьбу песни и как глупо сравнивать то, что уже вошло в уши и сердца, с тем, что только нарождается...

Р. П. Рыскиной (Москва) 26 октября 1949 г.

...Я решил вернуть оперетте утерянные формы крупного вокального и симфонического спектакля. Таковы были мои «Золотая долина», «Дорога к счастью» и, наконец, «Вольный ветер». Вы слышите в «Вольном ветре» оперные масштабы. Это верно, но это все-таки оперетта.

...Но, боже мой, откуда у Вас появилось желание отвлечь меня от оперетты и перевести на путь «истинной и настоящей» музыки? Откуда у Вас появилось это чуждость и разграничение искусства на мнимые сорта? Мне это очень странно слышать из Ваших уст. Я не отказывался никогда от серьезных работ. Но для меня всегда была серьезной любая музыка, и для меня всегда качество ее было верховным критерием ее сорта.

Р. П. Рыскиной (Москва) 31 декабря 1949 г.

Представляю себе творчество музыканта как праздник, который у каждого свой. Потому, что при такой «праздничности» остается праздничным даже для самого автора. Правильнее другое: через муки, сомнения, утверждение и разочарование, трудности и т. д., через все это, что составляет черты любого высокого творчества в любой области человеческой деятельности, дать праздник тем, для кого ты все это делаешь...

Р. П. Рыскиной (Москва) 12 февраля 1950 г.

Мы в искусстве решаем такие невероятные задачи, что если ошибки могут быть, то замечать их сегодня, то завтра их обязательно заметят, ибо их вытвет наружу само развитие жизни. И в «безобразном ильском» мир оперетного искусства вторглись те же требования, те же принципы, которые свойственны всему фронту искусства. Я слишком хорошо это понимаю, что бы писать для оперетты просто приятную, просто веселую музыку.

И вот иногда меня поднимают силы и желания, и уверенность в том, что ты хорошо и правильно делаешь. Наме искусство находится на, том страшном перекуте, когда мы хорошо уже знаем, что плохо и не нужно, но когда мы еще не знаем, как сделать хорошо и нужно. Именно в этом заключаются причины ошибок и срывов даже у талантливых людей...

Р. П. Рыскиной (Москва) 25 апреля 1950 г.

...Я нахожусь под сильнейшим впечатлением от прочитанной «Пелагонической поэмы» Макаренко. Я просто не понимаю, как я, зная про эту книгу столько лет, не успел увидеть ее прочтением. Вы знаете, свое восхищение автору, ныне уже умершему, эта замечательная книга сильна своей жестокой правдой. Вот подлинная романтика жизни, жестокая и непримиримая. И вместе с тем только эта жизнь, как она есть и как она принимается людьми сильной воли, только она спо-

собна рождать такую высокую красоту и человечность. Вот где школа человеческого характера. Эта школа заключается в том, что человек должен видеть конечный результат, сиюшние дали. А весь тернистый, порой мучительно трудный путь, который надо пройти к этим далям,— это и составляет ту работу, которую проделывают наша воля и разум. Каким напряжением надо обладать, чтобы уметь направлять мысль в светлую даль, где стоит сияющая и награждающая надпись: «Юность». Как нужно много сил, чувств, нервов, ума, чтобы всегда, несмотря ни на что, видеть перед собой только эту точку, и больше ничего. Это и есть настоящее воспитание характера. Но для этого надо быть Человеком.

Ю. БИРКОВ, музыковед.

...Каким бы был мир, если бы не было этих верующих мечтателей и вместе с тем прекрасных деятелей, зовущих людей на осуществление мечты! Что было бы, если бы не было в мире Гоперников, Галилеев, Ньютонов и Менделеевых, Пушкиных и Чернышевских, Ленина и Маркса! Мечта там, где есть дали, где есть путь к прогрессу, к новому, к счастью человека! И не может быть мечты в движенье назад!

Л. Г. Вытиковой (Москва) 1 июня 1950 г.

...Лирика — это великая просянка человечества. Конечно, лирика имеется в виду наша, творчески созидательная, романтическая, широкая и человеческая простая.

Нельзя считать лириком удава, который со вздохом сожалеет, проглатывает очередного крокодила. И потому, как в 1918 году на Украине у нас дома стояли немцы-оккупанты, пригласившие гетманом Скоропадским бороться с «коммунизмом». Я помню, что среди этих немцев была лирика, плакавшие от музыки Чайковского, Герра Ангальт и герр Зиблер даже сами играли на скрипке и рояле, усаживая мой слух душещипательными мелодиями в стиле сентиментальной немецкой музыки. Они при этом выдыхали о своих детях и фруа.

Потом ночью поднимается сдержанная тревога, куда-то наши «квартиранты» исчезают в полном вооружении. Наутро они появляются как ни в чем не бывало и снова принимаются «за дирижку». Как потом узнавали, в эту ночь дотла была сожжена деревня за «непослушание» жителей.

Как Вы знаете, эти «лирические шутки» немцев после 1918 года значительно обогатились и в 1941—1945 годах под руководством великого «лирика» Гитлера превратились в трагедию Освенцима и Майлака, Вероятно, и там пачали играли по вечерам лирические мелодии.

Как видите, лирика лирика рознь! Наша лирика — во всей нашей великой классической литературе, живописи, музыке и зодчестве; наша лирика — в трудовых подвигах простых советских людей, в их дерзновенных мечтаниях и свершениях. И разве не лирика Ленин, Дзержинский, Стаханов, Российский, Демченко и другие?

Ведь лирика заключается прежде всего в любви человека к Родине, к земле, породившей тебя, в борьбе за счастье этого человека, за красоту жизни, за расцвет земли, Правды?

И. Е. Серой (Москва) 10 августа 1951 г.

Глядя на ноты в то время, как я их подбирал, лазила на лестнице по верхокуркам моих шкафов,— я предавался размышлениям о прошлом пути моего творчества... Что же происходит сейчас? Стал ли я хуже писать, беднее? Оскудела ли мое творчество или зрелость писателя, развитие мысли, усложнение творческих приемов и методов сделало мое творчество, может быть, и осмысленнее, формально интереснее, но лишило его той зазорной и звонкой непосредственности, запала, с которой я раньше создавал мои песни? Если бы Вы знали, как сложны и мучительны для меня эти вопросы. И, в сущности, нет у меня ни близкого друга, ни такого творческого товарища, коллеги по профессии, который мог бы помочь мне в этом разоборчестве. В композиторских кругах парит разобщенность, недоброжелательство. Оценивая творчество от раза к разу, не общаясь путей товарища, в музыкальных руководящих кругах — сполна дипломатия, оценка творчества по послоние «куда ветер дует». Бюрократизм и холодное чиновничество. Все это происходит на фоне стойкой и огромной народной любви к моему творчеству, любви, которой я горжусь, и вместе с тем, которая заставляет думать, думать, прислушиваясь к себе, ко всему, что вокруг меня, любви, которую терять не хочу, не могу, ибо она — моя сила.

...За пределами песен и тех оркестровых произведений, которые я создаю попутно с песнями (фильмы, театр, музыка), лежит область, которую я могу с полным основанием назвать областью несвершенных мечтаний и планов. В постоянной работе над «мелочью» (пусть даже потом и разрастаясь в крупное) мысль отключается от этих планов и мечтаний. Мало того, я боюсь, как бы она, эта мысль, не приобрела таких привычных признаков мелочности, малоремонности, которые уже стали ее свойством, мешающими мне музыкально думать о крупном... И дело даже не во мне одном. Окружающее недоброжелательство, зависть, вражда. Чем ты лучше пишешь, тем хуже для тебя. Та великая обность социалистических интересов, которая существует у нас в гуще в промышленности, сельском хозяйстве, все опирающиеся соп. соревнования, воспитывающее в людях новые черты подлинного товарищества и дружбы,— ведь все это даже не заглядывало в об-

ласть искусства, где до сих пор странным образом господствует крайне индивидуальное, свое, мелкое, личное, дрянненькое...

И. Е. Серой (Москва) 8 февраля 1953 г.

Слушая концерты пленума Правления ССК, я в этом году пришел к полному презрению своей личности и бичующему гневу по собственному адресу. Безвольный и лентяй! Самому противна эта яма текущая, в которой я барахтаюсь, ухлопывая лучшие годы своей творческой зрелости, хорона массу хороших идей, которые в конце концов осуществляют другие, ибо идея никогда не может долго оставаться монополией одного человека...

Я имел очень большой успех в концерте песни, состоявшемся позавчера в Колонном зале. Исполняли «Моск. огни», «Хороша стояла наша» и «Вечер вальса». Этот успех меня очень радовал. Но что значит этот успех по сравнению с моей печалью, с моей огромной неудовлетворенностью самим собой! Я перестал быть творцом. У меня еще осталось мое непринужденное мастерство, которое позволяет мне оставаться в песне нестаренным львом. Но ведь эти же песни, вспомогательные на мое оркестровое умение и мышление, могли бы дать кантаты, оратории, поэмы и пр.! А я сижу и занимаюсь, годами занимаюсь, в сущности, кленатурой! Это приходится ко мне сейчас слово как нельзя лучше определяет мою творческую контуру. А ведь у творца должна быть не контора, а лаборатория, святая святых!...

Я зол, очень зол на себя. И эта злость является, быть может, единственным моим якорем спасения, единственной моей надеждой к освобождению от моего творческого лабаза.

Во всех обыденных делах моей Родины

И. Е. Серой (Москва) 25 марта 1953 г.

...Вы советуете мне обанестись, переключиться автоматическим кнутом?.. Но что он даст?.. И лентяй? Да и нет! Не есть один грандиозный процесс, о котором Вы забыли: процесс вслушивания в себя. Он сопровождается бездельем. Тонительным и мучительным... Ну, что делать, когда ничего не звучит внутри? Поймите, что мне страшнее это, чем даже Вам. Есть действительно кое-что от «клодыры» во мне... Но я жду в себе чего-то нового. К этому новому я прислушиваюсь. Пока — тихо. Но завтра может заговорить. Поймаете, я привык в музыке разговаривать громко. А сейчас как-то все мапугт: те, тсс!.. И все как-то разговаривает под сурдинку. Это, вероятно, пройдет.

Мысли, планы, мечты? А вот собрали нас и требуют другого, житейского важного, сегодняшнего, не откладываемого в ящик. Отказаться? Дескать, радон, не трожьте меня... А жизнь? А сегодня? Выключить себя из интересов, которыми сейчас живет страна, мир? Не участвовать ни в фестивале молодежи, ни в открытии Уни-верситета? Не попытаться создать что-нибудь, что отсвечивается чувствами читающего сегодняшнюю газету человека? Вот в этом-то именно моя, специфически моя трудность — трудность композитора, чья музыка во всех обыденных, железно неотвратимых делах моей Родины...

Р. Иванычевой (Москва) 24 октября 1954 г.

В моей творческой жизни я старался забывать задач, творчески меня не устраивавших. Если мне приходилось в фильмах или песнях для театра сталкиваться с отдельными частными случаями получения материала, не возбуждавшего во мне творческого энтузиазма, то в работах, написанных мною по личному влечению и вкусу, таких случаев не бывало. Конечно, и это не означает, что я был свободен от ошибок и гарантий от неудач. Но безусловно то, что при горячий заинтересованности в материале композитор работает лучше и активнее. Он мобилизует все свои душевные силы и мастерство. Может случиться, что этот слух окажется недостаточным, но это уже не вина, а скорее беда композитора.

И. А. Горелов (Москва) 4 сентября 1954 г.

Если бы у нас не было музыки Шуберта, Шопена, Бетховена и Моцарта, Грига и Чайковского, Корсакова и Рахманинова, я, может быть, сменился в своих рассуждениях. Но поскольку существует эта музыка, я всегда буду применять ее мерки к любому современному музыкальному явлению, и меня не могут сбить с толку никакие дикие крики нескольких сотен музыкальных «молявников и моллюсков». Человеческое ухо и человеческое сердце не претерпят никаких изменений за последние 150—200 лет. И то, что красивым было тогда, остается красивым и теперь. Изменились потребности человека, изменился аспект жизни, ее проявления. Но мера красоты, мера чувств осталась та же.

НА СНИМКАХ: И. О. Дунаевский. В последние годы жизни (слева); И. О. Дунаевский с участниками ансамбля песни и пляски Ленинградского дворца пионеров. Конец 30-х годов. Публиковались впервые. На обратной стороне фотографии надпись рукой Дунаевского: «Сидят — Мила Гуляшко, Мелануш Татариан, Шаповалова Нина; 2-й ряд — Лариса Шергина, Римма Фридаман; стоит — Лариса Алленко, Ада Анисимова, Вера Томсон, Дина Нечипоренко».

Как делается музыкальная погода

Из статьи «Создадим музыку масс»

...Какая может быть революция без голоса, без песни, без звучащих потоков!... — эти прекрасные слова Романа Роллана должны прозвучать вдохновенным призывом для советских композиторов. Нигде в мире, кроме нашей страны, художник, артист, творец слова и музыкальных звуков не имеет такой огромной массы чутких слушателей. И нужно признать, что в создании «музыки масс» мы достигли пока немалого. Труднящиеся нашей страны еще не имеют, за ничтожным исключением, песен своих праздников, песен своего труда и борьбы, мы совсем мало сделали лирических песен, а те, что есть, мало популярны.

Я не буду здесь подробно анализировать причины подобных явлений в такой громадной важной области. В них (причинах) повинны и композиторы, и поэты, и органы, руководящие музыкой и искусством нашей страны. Нам необходимо серьезно встать за это дело! И олимпиада из мимических проволочек массовой песни является звуковое кино.

4-й Международный кинофестиваль в Москве продемонстрировал всю лучшую советскую звуковую кинопродукцию. И мы не вывели из зала ни одного запоминающегося мотива, эти все картины не дали стране новых песен... Невольно создается впечатление, что наши композиторы стесняются писать для массы, несмотря на то, что в их руках великодушные возможности, где песни, марш, танец и органически входят в картину. Еще досадное положение, при котором мы имеем налицо все элементы песни, могущей стать популярной, любимой («Горючие денюжки», и... вдруг резкий поворот мелодии, усложнение, запутанность, и все погибает. Ухо теряет мелодическую нить, как будто композитор застыл своей откровенности, простого языка. То же и с маршем Шостаковича, то же и с популярной песней Киншпера. А разве Шапур в «Нором Гуляшере» использовал Артек для того, чтоб создать популярную песню? Допустимо ли было эту возможность упустить?

Несомненно, здесь имеются свои глубокие причины. И эти причины, на мой взгляд, кроются прежде всего в некоторой дезориентации, парившей долгое время в композиторской среде. Слишком долго и слишком часто дискуссионные разглагольствования подменяли живую творческую работу по созданию песен. И пока шли бесконечные споры о «простоте» и «усложненности», пока все живое, пробивающее себе путь сквозь толщу схоластических догм наших «делателей музыкальной погоды», объявлялось вне закона... — жалкое массовое ухо компенсировало себе само за весь песенный годол и запомнило то единственное, что пришло неизвестно откуда и неизвестно, кем сочиненное. Так появилась и победила прощел по всей стране «блатная репертура». И, когда в этом песенном смраде композиторская передовая среда почувствовала подлинную опасность, тогда только с огнем большим опознанием стали изыскать из-под слуха простые и ясные истины, которые, к сожалению, долго были забыты. Не «ташмуднический» споры, а живая работа должна быть противопоставлена войне «блатной» музыки. И, в самом деле, стоило появиться в «Весточном» Шостаковича, «Полночь» Киншпера, «Веселым ребятам», безымянной «Партизанской», как под их дружным натиском исчезла «Малина», захирела «Мама у самовара». А что же будет, если «Весточных» и «Полночь» будут десятки? Что будет, если наши композиторы перестанут стыдиться писать песни простым, человечески теплым и волнующим музыкальным языком?

Наша великая страна ждет от нас песен, песен наших праздников, карнавалов, борьбы, радости, любви, детских песен и песен спортивных, и мы эти песни создадим!...

1935 г.

Из выступления на общесоюзном совещании Союза композиторов СССР

...Хорошие песни никогда не умирают. Они могут временно затихнуть, чтобы потом возродиться с новой силой в других условиях и зазвучать по-новому. Примеров много. Наиболее яркое — «Рассветало море широко», «Варяги», ряд народных песен, которые были забыты, но теперь звучат с новой силой, по-новому. Полагаю, что рано хоронить и тот золотой фонд советской песни, который в определенных условиях был чрезвычайно ценен, чрезвычайно полезен. И я убежден, что многое из того, что было создано и что сейчас не звучит, может зазвучать в новых условиях по-новому, с прежней силой.

...У нас принято жестко определять джаз как нечто, что вообще вменяется в тонные стилистические формулировки. Между тем джаз также бывает разный [...] это понятие зависит от композитора, пишущего музыку.

В частности, данному собранию известны мои джазовые произведения, которые отличались не сентиментальностью, отличались не пошлостью, не истеричностью. Наоборот, начи-

* Имеются в виду красногвардейский марш из фильма «Любовь и ненависть» с музыкой Шостаковича и песни из картины «Чистая жизнь Петра Виноградова» Киншпера.